

WWW.UNILIB.RS

У
Н
И
В
Р
З
И
Т
А
Д
А
Д
А
Д
А
Д
А

Ш О Д У Н А В К А

№ 9.

Београдъ 1. Марта.

1846.

М И Л К А.

(Одломакъ изъ новеле Айдуци.)

„Видіо самъ дѣву, два нѣна ока трептаху као две звѣзде, кое ми растераше густу маглу срца мога и обећаваху ми потиху руйну зору, на коралнима нѣнима устнама увидіо самъ пролеће умилно живота мога, груди нѣне представляху ми снѣжнога лабуда међу мирисавимъ цвѣћемъ. — Ой како ми е миловиданъ био тада свѣтъ! Рай пожеліо нисамъ, та у раю самъ се налазіо, ерѣ ясно су звониле рѣчи анђела мога: „Я те любимъ као душе мое спасенѣ.“

„Хей како ми миловиданъ бѣше тада свѣтъ и животъ како сладакъ — горакъ ми бы касніе, и мрачанъ постаде ми цѣо свѣтъ.“

„Убити себе ніе юнаштво онда, кадъ насъ судба гоня; отргни се изъ грлѣня миле твое любе или люблѣне ти заручнице, на жертвуй себе отачбини, коя пати и пропада, коя твою требуе помоћ, онда ћешъ бити вреданъ назвати се сыпомъ отачбине свое, онда ћешъ безъ постыда смети носити име, кое си наслѣдіо у баба твоя.“

„У срцу дубоко ми уписане бяху ове рѣчи старога отца мога, ма съ тежкимъ срцемъ ал' оставіо самъ заручницу мою, и полетіо самъ на лабуду моме бой боити за вѣру ришѣанску и слободу отачбине драге.“

„Десница снажна и воля одважна србски юнака одржа побѣду, побисмо душмане слободе умилне и миле отачбине наше, отровне гуе крвожедны варвара смождисмо главу на полю Мишарскомъ.“ —

„Са сладкимъ чувствомъ летіо самъ дома у наручѣ миле мое Милке.“

„О Милко! зашто те морадо тако видити? Анђео слободе надъ развалинама постојбине свое тако мора изгледати, као што си ты изгледала. Црна коса Милке мое разчупана бѣше и попадала на бѣла іой прса, очи іой пливаху у сузама врелима, на колѣна простртіма предъ пренистомъ дѣвомъ, тихо е ецала и називаше себе најсрећніомъ на овоме свѣту и рукама покриваше лѣно свое лице као сјајно сунце.“

„Када ме опази цикне, полети мени, да ме загрли, но руке къ себи повуче, па заеца горко:

„Уби ме, о уби несрећну твою Милку.“

Окаменимъ се на добродошлицу таку; да е убіемъ? та онда бы убіо и спокойство любећега ми срца.“

„Ей Миле — продужи испрекиданымъ гласомъ — Ей Миле нема више твое Милке. — Съ Богомъ заручнице милый, о нечуди се, дай еданъ полюбаць, тако, тако; јоште еданъ, и овај нека буде последній, кои си дао . . . несрећной, . . . ! о тежко си га мени, . . . осквернѣной твојой Милки.“

„Ецанѣ іой загуши рѣчи, опетъ ми падне на груди и полюбцима посинаше ми устне.“

„Освети ме, . . . освети ме, о тако ти любави мое!“ —

„Изъ наручя се мога отргне, па поштено срце ножемъ прободе.“

„Именуј, о именуј несрећника твоя.“ —

„Васовићъ, не было га жива.“ —

„Ноге іой клецаху, у наручя є моя прехватимъ, последнї рѣчи „іме мое“ и последнїй уздисай са устна іой слобимъ. — Цѣо бы свѣтъ смождю быо, да ми є можно было; кадъ нема Милке, нашто радости на свѣту, нека пропада све, нека плаче цѣо свѣтъ, та она заслужує да оплакана буде као прва царица на свѣту, о та како є лѣпа была и онда, кадъ божествена ватрау оку нѣномъ више горела нїє, и онда, кадъ коралне устне постадоше ледено ладне.“

„О Боже зашто не бы тамо онай, кои ми є разрушіо блаженство мое; да самъ му искупати могао окаляно срце, онда, онда бы задоволянъ растао се одъ живота овога, у коємъ ни тако нема више радости за мене, и мирно бы лежао у гробу до мое Милке. А овако? — — — О Боже мой, клетва лежи, тежка клетва на сиротой ми души, и срамота вѣчна на имену моме, горый самъ, много самъ горый одъ поганого врага, ерѣ онъ глоби люде закона и народа туђегъ, а я? о я самъ“ — — —

Паклена боля, и осеѣаня, коя се именовати не могу, ту прекину рѣчь айдуку..... Нутао є подуго време, па после пола плачнымъ гласомъ говоръ свой продужи:

„Саранише ми Милку, у землю ми закопаше радость мою и све мое на овоме свѣту, па гробу нѣномъ лежао самъ цѣо данъ и цѣлу ноћ, па онда као да ми изъ гроба говораше любљена моя:

„Иди Миле, не пропуштай време у ядикованю, већ освети се несрећнику моме!“

„Устанемъ и кући се вратимъ, цѣло є село у крви пливало, на свакој кући виђао самъ кашлице кржаве, крвь заручнице мое, крвь, коя є на небо вапѣла и искала оствуету крви, глава ми є горела, знао нисамъ шта чинимъ, па варницу у стрѣю мою бацимъ. Пламень се подигне надъ кућомъ моіомъ, кои на скоро цѣло село обузме.“

„Садъ се дѣла мога понаємъ, ал' већ касно; чуо самъ јукъ слабога пола и плачь пейке дѣчице, проклинанъ остарѣлы Срба и сурову псовку браће мое, свака рѣчца, коя є до мене допирала, цѣпаше ми срце, као усколебано море тако є бѣснила у срцу моме боля, и као кадъ у црној ноћи цѣла проклетый мракъ, тако є грижа савѣсти цѣпала душу мою. — Бѣгао самъ

оданде, одакле ме є проклинанъ терало, тамо, куда ме є дивія желя свете гонила — у Њесарио — бѣгао самъ по путовима и странпутицама, преко брда и долина, осврнути се не смедо, чинило ми се као да бактаня чуемъ за собомъ и ржапѣ коня, мысліо самъ, да ме они вию, кое самъ я учиню несрећнима, да ме траже да убию, и бѣжао самъ све силнїє, докъ ослабљнъ на землю пао нисамъ, мени умрети нїє было можно, нїє слободно, докъ є Васоевићъ живіо на свѣту.“

„Сапъ ме обувати; кадъ самъ се пробудіо, до мене опазимъ доброга мога лабуда, вѣрно створенъ, ни у бѣди оставіо нїє свога господара, загримъ га у мѣсто мое Милке и као муња преумимъ Саву.“

„О Милко, ты си мене неисказано любила, ты си засвѣдочила то дѣломъ, проболала си поштено твое срце, ерѣ га у цѣлости мени поклонити могла ниси, твое око варати нїє могло, твоя уста немогоше се отварати на говоръ лажный, о та ты си была Србкinya вра.“

„А кадъ дѣва србски каже:

„Я те любимъ,“ тадъ не лаже.“

Богобой Т. Атанацковићъ.

ЛИСТЪ УЧРЕДНИКУ.

Милый мой Србине!

Богу хвала, кадъ су већ Аустрійски Србљи напипали онай главный узрокъ, збогъ коега имъ є Литература све до старе године храмала, а то є како се кодъ нѣи данасъ примѣчавала све до онога з и њ стояло. Штета заиста што такову сметню за раніє уклонили нїєсу, те бы имъ данасъ у много напреднїемъ станю литература была! — То исто могло бы се одъ части и Руссима приписати, ерѣ ето се и они тога залуднога з придржаваю, кадъ само не бы, на то одговорили: да нѣма то писме не квари очинїй (—) видъ, као што овимъ нашимъ Србљима, но да іоштѣ имаю одъ нѣга и велику нужду за разликованъ суштествителны родова. Но я те чуемъ, мой предрагїй Србине, гдѣ ми велишь: ако ми тко приговори за писме њ, шта ми валя тадъ съ нѣимъ радити? будући га Србљи не изговараю онако, као што Русси: но просто, као и друго писме і. Право ме ты (мало марѣи видимъ на прекрасну нѣгову услугу,

кою намъ чини у разликованю прилагателны падежа) на то опоминѣшь, и лѣла ти буди хвала, што ніеси радъ, да є могуће ни учемъ да погрѣшимъ. На таково пытанѣ, мой сладкій Србине, требова ће ми позвати се на бистрогъ Француза, Инглеза, Нѣмца и на остале образоване народе, съ понизномъ молбомъ, да ми докажу: зашто они Ортографіе нѣхове, еданпутъ не прочисте? паштогодъ ми ови на то одговоре, да тимъ истымъ и за Ортографію ове наше браће докажемъ, да она сирѣчь, како повисити, тако ни понизити литературу кадра ніе, као годъ ни кодъ поменути народа, до само лѣли избори валяны писателя и углаженѣ языка. Но коя є полза о томе некой господи и доказывати, коя за истину држе, кадъ Србљима уобычайный већъ з и њ испредъ очію уклони се, да ће тада нѣхова литература моћи много болъ напредовати! — А вѣруй ты мени, мой красный Србине, ако они съ тимъ, као неку особиту свою вѣштину, и у образованію некій напредакъ предъ ученымъ свѣтомъ мысле показати, да се у томе веома вараю. Я самъ у твоима писмама примѣтлю, да се ты іошть придржавашъ з и њ, и да не бы на нѣи кадъ помрзю, препоручемъ ти ін колико найболъ, кадъ и онако ти никакавъ назадакъ у образованію донети неће — а меѣутимъ о свакомъ твоѣмъ добромъ напредку радуюћи се остаемъ на свагда

У Котору

Твой

Любища Лютићъ.

ЗАШТО СЕ ЧИСТА СРЕДА КОДЪ РИМОКАТОЛИКА НАЗВАЛА ПЕПЕЛЬИВА?

Стари Евреи имали су обычай у жалости, за време поста и у дане покаянїя служити се пепеломъ. Кадкадъ валяли су се они по нѣму, и съ нѣмъ су себи леба месили. У време покаянїя посипали су главу пепеломъ, или праомъ. Подобанъ обычай паоди се и кодъ стары язычника. То приме одъ Еврея и први Христїяни. Кадъ є кои членъ старе христїянске цркве покаю се, или свое грѣхе явнѣ исповедао; предузимао є посипанѣ главе пепеломъ. Одъ овогъ старогъ обычая назове се кодъ римокатолика чиста среда пепельивомъ. Григоріе великій, римскій папа, у 12. столѣтію заповеди изречно, да се тай данъ светкуе и наро-

чито тога рода покаянїе чини. Овай обычай, кои є іошть пре 600. година уведенъ, римокатоличка црква и данась свето наблюдава. Сирѣчь у реченый данъ неко количество пепела одъ сагореногъ маслиновогъ дрвета, или когъ другогъ буде торжественѣ освеѣено. Нека часть тогъ освеѣеногъ пепела узима се за свету водичу, а остало има друго свое опредѣленіе, т. є. нѣиме се римокатолици одъ свои свештеника, у цркви предъ олтаромъ клечећи, по глави посипаю, съ речима у латинскомъ языку одъ свештеника изговоренымъ: „Помни, яко земля еси, и въ землю поидеши!“

Л. Павловићъ.

ОСТРЕГАТЕЛНО - ПОУЧИТЕЛНА УМСТВОВАНА.

Усвакомъ предпрїятѣмъ дѣлу, ако бы ти се каква незгода появила, труди се свагда одъ два зла избрати оно, кое є манѣ; на прикладъ: манѣ є зло неправедне угризе неки надувены себичника триѣльиво спосити, него оснивати темель хинезскому зыду. —

Сви мудраци соглашуютъ се у тому, да се безуманъ човекъ изъ слѣдуюћи поступака познає: 1. свакому завиди, кои є болій одъ нѣга; 2. свака новостъ, коя се съ нѣговима началима неслаже, ма да є за нѣга и пайполезнїя, нѣму є немила, и сматра ю као спрдню, а плесиву старежъ обожава; 3. продрзливъ є онде, гди бы требало да є учтивъ, а смиренъ є онде, гди бы требало да є бодаръ; и 4. прїателя одъ непрїателя разликовати незна. Но кадъ бы се и одъ свега овога єдно свойство, кое бы малоумногъ найживлѣ означавало, избрати морало, то бы, по мнѣнію моме, рекао, да є найопаснїи глупакъ, кои прїателя одъ непрїателя разазнати неуме. Опъ бы се — сажалѣня достойный — могао усподобити єдномъ на разкрїшћу очаяваюћемъ слѣпцу, кои свакогъ оногъ за вођу прїима, кои му се ласкателно препоручити зна. Ядно створенѣ! — Болъ ти є дакле имати паметногъ непрїателя, него безумногъ прїателя. Одъ невештогъ и гора плаче. —

Духъ — наравъ, худъ, завичай, начинъ мыслѣня — кодъ простоте има ту исту силу, кою и самый вѣрозаконъ или найближе сродство. Пази дакле, кому ћешъ свое искрено прїатель-

ство повѣрити; ерѣ знай, да онай, кои е зараженъ духомъ свирѣпога зельова, онога, кои протѣямъ духомъ дише, презире и нетрпи, и самъ незнаюћи зашто; а то е порода смиреногъ малоумія. —

Ко е спрама лѣпе будућности глувъ и нечувствителанъ, нѣ лѣпе будућности ни достоянъ. Текъ пакленый сатана може имати ключеве одъ каменогъ срдца нѣговогъ. Чамежъ му е мати, ладноћа кума, а пропасть добытакъ. —

К. Николићъ.

СИТНИЦЕ.

Тко случаемъ получену срећу и честь ужива, тога слави простъ народъ и приклонѣнымъ коленомъ лежи цела варошь предъ нѣмъ. Вѣроломно и яснимъ смеянѣмъ погледа она горе, кадъ изчезне сѣйностъ варљивогъ злата и лажне славе. —

Имай слободно и благородно срце, пакъ не ти свако мѣсто рай быти, као што ти е златомъ украшена палата права тавница, кадъ те твоя внутреность плѣникомъ чини. —

Тко самъ собомъ управити зна, тай управля пространство царство, нежели кадъ бы саставио По и Тиберъ, Дону и Райну. —

Добродѣтель нетражи никаковы почитатели изванъ себе; пакъ ако нѣно наличіе къ другој каквой цѣли употребљавашъ, скнда га она при првой прилици съ твогъ лица. —

Споменъ доброучиѣны дѣла причинява толику радость, да нѣкій начинъ неблагодарности лежи у томъ, кадъ и неблагодарное опростити не бы хтели. —

Ученость е добаръ лѣковный прашакъ; но у целой апотеки нейма ни єднога, кои бы довольно снажанъ быо, да се безъ свакогъ квара потребителанъ обдржи, кадъ сосудъ неваля, у коме се сохраниява. —

Євтиміе Аврамовићъ.

АНЕКДОТА.

(Снѣвничог.)

Кадъ е єдномъ нѣкій кандидатъ краля Прусскога за нешто молю, запыта га овай, кои е землякъ? „Я самъ Берлинацъ,“ одговори онъ. „Иди,“ рече владѣтель! — „Берлинци ништа невреде.“ — „Ваше Величество не ми опростити,“ продужи кандидатъ: „има и добры међу нѣма; и я самъ познаемъ двоицу.“ — „На кои су та двоица?“ запыта краљ. „Первый е Ваше Величество,“ одговори кандидатъ; „а другій самъ я.“ — Краљ се насмѣе овому одговору, и нѣгову молбу прими.

Любомиръ М. Апостоловићъ.

БАФОРИ И ФАВОРИТКА.

Стефанъ Батори, князь ердельскій а доцнѣ краљ польскій, єдан-путъ е своему саюзнику, султану, такъ важну услугу учинио, да се овай заклео, сваку му молбу изпунити, кою бы одъ нѣга тражио.

На ово князь, кои е већ много слушао о изванредной лѣпоти Фаворитке, дође єдан-путъ къ султану и замоли га, да види госпу, кою су му хвалили као најлѣпшу на свѣту. Узалудъ се противіо Султанъ; князь, приписиваюћи узрокъ нѣгова одрицаня любовнѣности, остао е при свому, премда е увиђао, какво неповољно упечатлѣнѣ нѣгово исканѣ на султана чини.

„Нека ти буде,“ рече султанъ, и одведе Батора у харемъ.

Дѣвойка чудесне дражести, као што житель истока представя себи свою садружницу у раю, одъ пророка му обећаномъ, са удивлѣнїемъ дочека владѣтель, и Батори назове султана, кои е редкій адићаръ притяжавао, найсретнѣмъ одъ свы смртны. Остави Фаворитку, кождъ кое султанъ заостане, не безъ чувства зависти о срећи великога Турчина. Но на-скоро пушка, коя е у соби Фаворитке пукла, прекине нѣгове мысли. Юште се екъ пушке сасвимъ уталожио нѣ, изиђе султанъ изъ себе и позове княза. Курцумомъ у лѣне груди смртно згођена, лежала е дражестна Гркия бледа и умирући на ћилиму, а Султанъ жалостиво проговори:

„Я самъ ти рекао, одустани одъ твоє молбе. По законима мора Фаворитка султанова умрети, кадъ ю види око Христїанина.“

Зачуђенъ стояо е Батори предъ мртвымъ тѣломъ, и до последнѣга часа своєга живота себи е пребавивао, што е быо убица најлѣпше жене, кою е игда видіо.

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правителственој Књигопечатни у Београду.